УДК 930.1(470)(092)
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00041

Н. Г. Кедров

М. А. Безнин в галерее историков-марксистов

Настоящее обращение к научному творчеству Михаила Алексеевича Безнина обусловлено следующим. Во-первых, в настоящее время концепция аграрного строя М. А. Безнина и Т. М. Димони получила широкую известность среди российских историков-аграрников[1]. Ее авторы претендуют на переосмысление всей истории колхозной деревни (период 1930–1980-х гг.). Поэтому, думаю, для исследователей, занимающихся изучением конкретных проблем истории советской деревни, будет полезно выяснить основной смысл и идейные истоки предложенных Безниным и Димони методологических и концептуальных инноваций. Во-вторых, не менее любопытна реакция сообщества историков-аграрников на эти подходы и концептуальные решения. Неприятие и непонимание ряда высказанных авторами концепции трактовок и неизбежные в силу этого кулуарные споры среди коллег заставляют нас более пристально посмотреть на природу этого конфликта идей. Возможно, ее понимание поспособствует дальнейшему поиску путей обновления аграрной историографии.

Несмотря на широкое обсуждение в академическом сообществе концепции Безнина и Димони, конкретные возражения им в научной печати высказали лишь В. П. Данилов, В. А. Ильиных и И. А. Кузнецов. Так, Данилов, помимо всего прочего один из учителей Безнина, оппонировал авторам концепции во время обсуждения их доклада на Ученом совете Института российской истории РАН в марте 2004 г. Тогда маститый историк-аграрник сделал замечания докладчикам по поводу используемой ими дефиниции капитала — как овеществленного труда, а также хронологических граней существования аграрного

общества в России. Но, пожалуй, наиболее острые возражения ученого были связаны с тем, что концепция вологодских историков фактически отрицала так усердно постулируемое Даниловым с конца 1980-х гг. представление об альтернативности социально-экономического и политического развития СССР. Историк тогда заявил: «Конечно, проще всего отбросить концепцию альтернативы, в равной мере считая, что сталинская коллективизация, как и ельцинская деколлективизация будут иметь один результат — капитализацию. Но были и другие варианты развития, в том числе и кооперативные»[2]. Этот момент имеет чрезвычайно большое значение для понимания сути спора. Ведь отрицание альтернатив не только снимало с повестки дня исторической науки присущий работам Данилова обличительный пафос по отношению к коллективизации и реформам 1990-х гг., но и предполагало понимание природы исторических изменений, отличное от концепции управляемого (программируемого) движения, заложенной в парадигме аграрной историографии 1990-х гг. Показательно и то, что М. А. Безнин в своем ответе на замечания, подчеркивая заслуги Данилова, не стал, однако, отрицать этого расхождения.

Несколько позже, в 2012 г., на брянской сессии Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы с некоторыми полемическими возражениями по отношению в концепции Безнина и Димони выступил В. А. Ильиных. В представленном им на той конференции докладе аграрный строй рассматривался как более дискретная величина. В отличие от Безнина и Димони, использующих эту категорию скорее как некую общность описываемых ими экономических и социальных изменений, Ильиных рассматривал аграрный строй в качестве совокупности организационных форм, определяющих облик производственных отношений в деревне на том или ином историческом этапе. В результате основной рабочей единицей его концепции стала так называемая модель аграрного строя. Всего в развитии сибирской деревни в XX в. исследователь выделил существование трех таких моделей: традиционно-крестьянской, колхозно-совхозной и совхозно-колхозной. Хронологическими гранями описываемых им изменений выступили масштабные социально-политические процессы: коллективизация и хрущевские реформы 1953–1960-х гг.[3] Соответственно в своем докладе историк попытался соединить развиваемую им с конца 1990-х гг. идею аграрной эволюции с характерным для современной парадигмы аграрной историографии мнением о политической детерминированности основных процессов в жизни советской деревни. Концепция В. А. Ильиных имеет и еще один весьма любопытный теоретический выход. Поскольку результаты всех попыток реформирования аграрного строя так и не привели к ожидаемым результатам, то по сути дела получалось, что в докладе подспудно оспаривался тезис марксистской историографии (успешно перенятый ныне сторонниками так называемой модернизационной теории) о прогрессивности общественного развития. Во всяком случае, эта мысль явственно звучала в докладе Ильиных по отношению к итогам развития аграрного сектора советской экономики.

Наконец, И. А. Кузнецов написал рецензию на монографию М. А. Безнина и Т. М. Димони «Аграрный строй России 1930–1980-х годов» (М., 2014). Рецензия целиком носит полемический характер[4]. В аргументации автора можно увидеть два пласта критики. Первый из них обращен непосредственно на идеи вологодских историков. Кузнецов вслед за Даниловым пытался определить их отношение к сталинизму. Историк писал, что в концепции Безнина и Димони и нарративах сталинского времени осуществление коллективизации одинаково объяснялось «объективной необходимостью». Однако необходимость необходимости рознь. Так, у Безнина и Димони под ней рассматривается скорее естественная логика развития социально-экономических процессов (И. А. Кузнецов верно замечает, что авторы концепции не рефлексируют «по поводу того, для кого указанный перелом были необходим»). В рамках предложенного ими подхода вообще нет отсылки к дискурсу об эффективности описываемых ими реалий, тогда как в сталинских речах и литературе того времени речь шла именно об эффективности системы по сравнению с политическим окружением СССР. В рамках последней модели исторического движения его субъект был, разумеется, обязательным и мог обозначаться с помощью различного рода эвфемизмов (будь то страна, народ или партия). В этом-то как раз и заключается существенное отличие предложенной Безниным и Димони эпистемологической модели от тех подходов, которые были присущи советской литературе сталинских времен. Далее автор рецензии с успехом доказывал, что существовавшая в Советском Союзе система экономических отношений была далека от характеристик классического капитализма (в частности плановые начала в ней превалировали над рыночными механизмами). С рядом аргументов И. А. Кузнецова в этом вопросе сложно не согласиться, однако важно обратить внимание и на то, что сами авторы концепции настаивают на некоторой инаковости описываемой ими природы аграрного строя, используя по отношению к нему понятие «государственный капитализм». Второй пласт полемических интенций И. А. Кузнецова связан с критическим переосмыслением объяснительных возможностей марксизма, сетка понятий которого, по словам автора, «упрямо натягивается на реалии всех эпох и стран»[5]. Речь об этом аспекте пойдет ниже.

Реакция научного сообщества на предложенные М. А. Безниным и Т. М. Димони идеи кажется еще более удивительной, если учесть, что они были далеко не первыми исследователями, высказавшими мысль о том, что за социалистическими декорациями советской системы могут скрываться буржуазные отношения. Первенство в этом вопросе, вероятно, всё же следует отдать Л. Д. Троцкому, который еще в 1930-е гг. декларировал утверждения подобного рода[6]. Его идеи стали исходным пунктом изучения истории Советского Союза левыми марксистами за рубежом. Среди работ последних наибольшую известность получила книга Т. Клиффа, предполагавшего, в отличие от Троцкого, наличие в СССР уже не только буржуазных тенденций, но и сложившейся системы

государственного капитализма[7]. В 1990-е гг. работы Троцкого и Клиффа были переизданы в России и стали доступны для широкого круга отечественных читателей. О знакомстве российских ученых с их идеями свидетельствует, в частности, схоластический спор о применимости этих подходов, вспыхнувший на рубеже 1990–2000-х гг. на страницах журнала коммунистической направленности «Альтернативы»[8]. Но вернемся ко «льву революции» и «пророку в изгнании».

Как известно, ко времени написания «Преданной революции» Л. Д. Троцкий жил уже в Мексике. Тем не менее он продолжал свою непримиримую борьбу с И. С. Сталиным. Главной ее формой теперь было печатное слово. Поэтому, конечно, бессмысленно отрицать политический характер его упреков в адрес социально-политической системы СССР. Но обладая ярчайшим аналитическим талантом и хорошо зная положение дел в стране Советов, Троцкий смог подметить вещи, оставшиеся невидимыми для других авторов, обращавшихся в то же время к осмыслению исторического опыта СССР. Вкратце логика его рассуждений может быть представлена следующим образом. Теоретики марксизма предвидели отмирание государства в будущем коммунистическом обществе, но в стране победившей Октябрьской революции государство не исчезло. Упразднить последнее пришедшим к власти большевикам не позволила необходимость удержания власти в условиях политической нестабильности и гражданской войны. Соответственно временно в лице служащих многочисленных учреждений власти сохранились и «винтики» этой отжившей с точки зрения марксизма системы. Однако в дальнейшем бюрократия, несмотря на существовавшие прогнозы, не только не отмерла, но и смогла путем «перерождения партии» захватить лидирующие позиции в стране под управлением формально провозглашаемой «диктатуры пролетариата». Троцкий отмечал, что по мере роста экономической мощи СССР внутри советского общества набирают силу процессы, связанные с приобщением бюрократии к стратегиям буржуазного потребления, происходит усиление социальной дифференциации и возвращение к характерной для капитализма системе оплаты труда. Собственно антидемократический курс сталинского руководства был связан, по мнению Троцкого, со стремлением партийной бюрократии всеми силами сохранить свое господствующее положение в стране. Говоря о природе советского строя, Лев Давыдович писал: «Изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он в противоположность загнивающему капитализму развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду буржуазным слоям, он доводит до всё более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию. Противоречия между формами собственности и нормами распределения не могут нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут в том или ином виде распространиться на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в со-

ответствие с социалистической собственностью»[9]. Характеризуя советское общество как «промежуточное между социализмом и капитализмом», Троцкий писал, что существуют два гипотетических варианта развития событий: переход к социализму или откат к капитализму[10]. Окончательный ответ на вопрос о будущем СССР, по его мнению, должна была дать новая революция.

Нет никаких сомнений в том, что Троцкий был ортодоксальным марксистом. У Маркса он позаимствовал положение о борьбе антагонистических классов, теорию эксплуатации, представление о социальной обусловленности исторических явлений, но, пожалуй, лучше всего им был усвоен (и творчески переработан) марксистский концепт революции. Еще экзальтированный биограф Троцкого И. Дойчер отмечал, что как историк он был в большей степени ориентирован не на фундаментальные работы отцов-основателей учения в области политэкономии, а на малые историко-социологические произведения К. Маркса, такие как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции»[11]. В своей историософии революции Троцкий неоднократно подчеркивал организованный характер революционного движения. Так, в «Истории русской революции» он писал, что «без руководящей организации энергия масс распределилась бы, как пар, не заключенный в цилиндр с поршнем», а «массовое восстание никогда не бывает чисто стихийным»[12]. Не случайно Троцкий считал, что Октябрьская революция не состоялась бы без участия В. И. Ленина (мнение, которое И. Дойчер назвал «оптической иллюзией Троцкого»). В этих характеристиках заметны следы представления о революции как частично программируемом историческом движении. Рассуждая в «Преданной революции» о возможных вариантах будущего развития СССР, Троцкий обратился ко вполне антропологической концепции выбора. Данная категория служила также для внутреннего оправдания осуществляемой им борьбы со сталинским режимом. Последующая историографическая традиция осмысления левыми марксистами исторического опыта СССР сохранила критические интенции. В этом моменте заключено серьезное отличие работ левых марксистов от предложенной Безниным и Димони концепции аграрного строя советской деревни. Ибо ни об осуждении, ни об оправдании описываемых вологодскими историками явлений в их работах речи не идет. Нет у них разграничения и на социалистические и капиталистические тенденции. Авторы концепции равным образом рассматривают и техническое перевооружение советских сельскохозяйственных предприятий, и попытки жителей села приобщиться к тем или иным благам жизни как частные грани единого исторического процесса — первоначального накопления. Концепт революции в теоретических построениях вологодских историков также не играет существенной роли. Не случайно в качестве нижней хронологической грани своего исследования они избрали не 1917, а 1929 г. Именно коллективизация, а не революция стала, по их мнению, важнейшей вехой эволюции аграрного строя России в XX столетии.

Еще более в отсутствии влияния идей Троцкого на авторов концепции убеждает творческий путь М. А. Безнина. Выпускник Ленинградского государственного университета, он, отработав несколько лет учителем в сельской школе, в конце 1970-х гг. начал свою трудовую деятельность в Вологодском государственном педагогическом институте (ныне часть Вологодского государственного университета), где прошел путь от ассистента до проректора по научной работе. В начале 1980-х гг. Безнин обучался в аспирантуре кафедры истории советского общества ЛГУ, а в 1983 г. состоялась защита его кандидатской диссертации «Совхозные рабочие Европейского севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток»[13]. Официальным оппонентом этой работы выступил И. Е. Зеленин. С этого времени началось активное сотрудничество Безнина с сектором истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР, куда несколько лет спустя молодой историк приехал поступать в докторантуру. На тот момент времени перед ним стоял вопрос о выборе дальнейшего направления исследований. В частности, некоторая двойственность заметна в формулировке представленного на заседании сектора в 1986 г. доклада «Значение бюджетных исследований в изучении истории крестьянства и совхозных рабочих (на материалах РСФСР)»[14]. Речь шла либо о продолжении изучения истории совхозов, либо о выходе на новые исследовательские сюжеты. Именно тогда В. П. Данилов предложил молодому историку заняться анализом различных аспектов хозяйственной жизни крестьянского двора, попутно рекомендовав обратить внимание на труды А. В. Чаянова. Результатом творческого сотрудничества Безнина и Данилова стала докторская диссертация «Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг.», защищенная Безниным в 1991 г. в Институте российской истории РАН. Если сравнить тематику двух квалификационных работ историка, то мы увидим, что его усилия были направлены прежде всего на анализ двух полярных хозяйственных систем в жизни деревни. С одной стороны, совхозные рабочие — это наиболее пролетаризированный отряд тружеников села, с другой стороны, крестьянское хозяйство, которое хотя еще и не полностью утратило своей роли в жизни деревни в 1950–1960-е гг., но медленно и верно становилось рудиментом прошлого. Соединение кусочков этой мозаики в единое целое рано или поздно поставило бы на повестку дня исследователя вопросы как о выяснении общих тенденций аграрной эволюции, так и о соотношении этих хозяйственных анклавов в жизни деревни. Новое ви́дение аграрной истории советской деревни стало для М. А. Безнина результатом интеллектуального синтеза его прежних наработок. Таким образом, ни о каком влиянии идей Троцкого здесь речи не идет. Вместе с тем, исходя из сказанного, логично будет поставить вопрос о влиянии на формирование безнинской концепции аграрного строя методологических и концептуальных подходов В. П. Данилова.

Такое влияние, безусловно, имело место. И речь в данном случае идет не только об усвоении Безниным чаяновской методологии изучения крестьян-

ского двора и свойственного Данилову категориального аппарата, но и о возможности увидеть элементы континуитета в описанных ими процессах эволюции советской деревни. Во всяком случае, сам М. А. Безнин, презентуя уже свое обновленное ви́дение аграрной истории, неоднократно подчеркивал этот момент[15]. При этом обычно фигурировала отсылка к работам Данилова 1960–1970-х гг., в особенности к двум знаменитым монографиям последнего по истории доколхозной деревни. В. П. Данилов, как и другие историки «нового направления», в тот период своего научного творчества активно обращался к идее многоукладности, предполагавшей выделение в экономической жизни того или иного общества ряда более дробных подсистем — хозяйственных укладов. Этот нюанс позволял историкам «нового направления», не отрицая формационность, более детально и, соответственно, реалистично характеризовать социально-экономические процессы. Сам Данилов, как известно, подробнейшим образом проанализировал хозяйственную жизнь советской деревни эпохи нэпа и пришел в выводу о существовании пяти таких систем отношений — патриархального, мелкотоварного, капиталистического, социалистического и переходного к социалистическому укладов[16]. Антогонистическими полюсами этого строя у него, разумеется, выступали капитализм и социализм. Но капиталистические отношения, по мнению исследователя, находились на ранней стадии их развития, а социалистические формы хозяйствования еще не успели набрать вес (их доля в экономической жизни деревни был ничтожно мала). В известной степени крестьянство было включено в систему рыночных отношений (мелкотоварный уклад) и деятельность кооперативных организаций («формы, переходные к социализму»). Однако основой хозяйственной жизни деревни в 1920-е гг. оставался крестьянский двор с абсолютным преобладанием ручного труда и ориентацией на семейное потребление. Согласно данным Данилова, к концу десятилетия роль техники в производстве крестьянским хозяйством сельскохозяйственных культур не превышала 1–2,5% от всех издержек производства, а 2/3 производимого в нем хлеба шло на собственное потребление[17]. Исходя из этого, историк делал вывод о преобладании в доколхозной деревне патриархальных и мелкотоварных отношений. Именно эти характеристики М. А. Безнин и Т. М. Димони соотносят с используемым ими понятием «аграрное общество». Вологодские историки также оперируют концептом хозяйственного уклада как единицей анализа. В истории колхозной деревни они выделяют наличие трех таких экономических подсистем: крестьянского, колхозного и совхозного укладов. И хотя два последних, в отличие от Данилова, связываются авторами концепции отнюдь не с генезисом социалистических отношений, а с процессом первоначального накопления, сам анализ тенденций экономического развития как бы продолжает картину, зафиксированную Даниловым на конец 1920-х гг. Постепенное вытеснение крестьянского уклада на периферию экономической жизни советского общества, сопровождающееся ростом технической вооруженности сельскохозяйственного производства

и увеличением его товарности, казалось бы, развивают намеченные еще Даниловым линии эволюции аграрного строя. Почему же в таком случае концепция Безнина и Димони вызвала столь резкую критику со стороны мэтра-аграрника?

Дело в том, что Данилов почти неправдоподобным образом соединял в себе черты либерального исследователя и убежденного коммуниста. В 1960-е гг., будучи секретарем парткома Института истории, он всеми силами сражался за историческую правду и поддерживал труды опальных коллег. В 1990-е гг. он не принял либеральных реформ и, по всей видимости, до конца своих дней сохранял веру в возможность построения демократического и социально ориентированного общества. Представления о социалистическом характере советского общества оказали самое существенное влияние на профессиональную деятельность историка. В 1950–1980-е гг. основной интенцией усилий Данилова в науке был поиск объективных предпосылок коллективизации как важнейшей вехи утверждения социалистического уклада в деревне. Причем эта задача была для него отнюдь не фигурой речи. Раз за разом «меняя оптику» и переносся свой взгляд с одного явления на другое (будь то производительные силы, социальные отношения, развитие кооперации или крестьянская культура), Виктор Петрович проделал просто титаническую работу в этом направлении. Как известно, обнаружить наличие таковых историку так и не удалось. В 1965 г., во время обсуждения в Институте истории первого тома неизданного коллективного труда «История коллективизации сельского хозяйства в СССР» на прямо поставленный Ю. А. Поляковым вопрос: «Вы считаете, что объективных условий для коллективизации не было?», Данилов ответил: «“Должных” не было»[18]. В 1990-е гг., когда советское общество завершило свое историческое существование, историк занялся поиском точки системного сбоя, не позволившего реализовать, по его мнению, заложенные революцией демократические возможности. Ответ на этот вопрос им был вскоре получен. Точкой невозврата была названа «революция сверху». Историк писал: «...сталинская организация партийно-государственного управления была носителем и источником институционального кризиса», «командно-мобилизационная система управления очень быстро, еще в 1930-х годах — превратилась в тормоз для социально-экономического и культурного развития страны в целом»[19]. Из этих убеждений Данилова вырастала тема альтернатив как неких нереализованных возможностей построения подлинного социализма. Она стала важнейшим несущим элементом практически всех работ Данилова конца 1980 — середины 2000 гг., так как связывала воедино политические и научные взгляды историка на всех этапах его богатого жизненного и творческого пути. И на эту «святая святых» даниловского мировоззрения покусился М. А. Безнин, обнаруживший и в коллективизации, и в хрущевских реформах, и в ельцинской приватизации единую логику исторических процессов.

Сам Михаил Алексеевич после защиты докторской диссертации и назначения проректором ВГПУ пробовал себя в профессиональной политике.

В 1990-е гг. он даже баллотировался от КПРФ на пост губернатора Вологодской области. Однако в политической ангажированности своих работ историк замечен не был. Напротив, одной из ведущих теоретических посылок концепции Безнина и Димони стала деидеологизация науки. «Описание процесса капитализации необходимо лишить идеологического подтекста и рассматривать его прежде всего как элемент функционирования экономики, отделяя от оценки решения социализированным государством других общественных задач», — гласил первый тезис доклада, с которого, собственно, и началась история концепции вологодских историков[20]. Эта интенция их программы тесно связана с выработкой универсального научного языка для описания рассматриваемых явлений. Авторы концепции справедливо отмечают, что такие понятия, как «капитал», «эксплуатация», «менеджеры», «рабочая аристократия», по идеологическим причинам не использовались советскими обществоведами для анализа советского народного хозяйства, зато с успехом применялись для характеристики экономики капиталистических стран. Отчасти подобный ход мысли был заложен еще В. П. Даниловым, когда в начале 1990-х гг. он стал описывать функционирование колхозной системы с помощью характеристик «юридическое прикрепление крестьян к колхозам», «принудительный труд», «бесплатная эксплуатация крестьянства», т. е. в терминах, используемых в советской науке обычно для анализа феодального общества[21]. Эту инициативу мэтра активно поддержали как М. А. Безнин, так и многие другие историки-аграрники. В частности, такой подход был применен Безниным при характеристике крестьянских повинностей в пользу советского государства как «традиционной для аграрного (или так называемого “феодального”) общества системы взаимоотношений»[22]. Этот вывод повторяется и в недавней монографии Безнина и Димони, однако там же звучит мысль о том, что «повинности российских колхозников в 1930–1980-е годы были важнейшим элементом трансформации российского общества из аграрного в индустриальное»[23]. Переход от повинностного к экономическому типу эксплуатации представляется авторами как один из важнейших показателей процесса капитализации. Таким образом, если коллективизация (в ее сталинских формах) в работах Данилова 1990–2000-х гг. конституировалась как трагическая ошибка, отступление от намеченного революцией исторического движения и частичное возвращение к практикам феодализма, то у Безнина и Димони она теперь признаётся специфическим (без постановки характерных для отечественного научного дискурса советской истории знаков «плюс» или «минус») российским путем аграрной модернизации. И в этом аспекте М. А. Безнин, бесспорно, разошелся с позицией своего учителя.

Марксизм как теоретическая доктрина, разумеется, неотделим от веры его адептов в светлое будущее. Тем не менее фундамент учения составляла не только его политическая программа, но и глубокий социологический анализ основных тенденций социально-экономического развития ведущих европейских

стран середины XIX в. Если взглянуть на сказанное выше под углом соотношения рассмотренных концепций с этими основами марксизма, то можно было бы прийти к следующим заключениям. Концепция Безнина и Димони с точки зрения Троцкого и Данилова выглядела бы в недостаточной степени марксистской, поскольку она не выдержана в духе социальных идеалов учения и в ней напрочь отсутствует соответствующая футурология. Взгляды Троцкого и Данилова с точки зрения вологодских историков тоже, вероятно, оказались бы не вполне марксистскими в силу политической пристрастности их авторов, не позволившей им в полной мере применить объективные законы марксовой политэкономии. В связи с этим любопытно соотнести выявленные вологодскими историками тенденции социально-экономического развития советской деревни с оригинальным марксистским анализом процессов, происходивших в Европе.

В своей концепции аграрного строя М. А. Безнин и Т. М. Димони опираются прежде всего на марксистскую теорию первоначального накопления капитала. Согласно К. Марксу, первоначальное накопление является исходным пунктом развития капитализма. Свой анализ этого процесса он дал, основываясь на материалах преимущественно английской истории XV–XIX вв. Повышение цен на шерсть на рубеже XV–XVI вв. привело к широкому распространению практики огораживаний в английской деревне. Вместо традиционных сельскохозяйственных угодий стали создаваться пастбища, требовавшие для ведения хозяйства значительно меньше рабочих рук. Крестьяне, бывшие к тому времени уже юридически свободными, просто сгонялись с земли. Разумеется, они автоматически не превращались в рабочих. Этому процессу способствовала политика английского государства, которое, используя рычаги внеэкономического принуждения (суровое законодательство против бродяжничества), заставляло их продавать свой труд зарождающимся капиталистам. Лишение трудящихся средств производства вело также к денатурализации хозяйства и превращению их в потребителей фабричной продукции, что в свою очередь способствовало становлению внутреннего рынка. Другим социальным результатом описанных Марксом изменений стало обогащение необходимых для ведения пастбищного хозяйства арендаторов и превращение их в капиталистических фермеров. Дальнейшему росту концентрации капитала способствовала колониальная экспансия со свойственными ей ограблением колоний, работорговлей и торговыми войнами. Наконец промышленная революция XIX в. явила собой формальное завершение этого процесса. Итак, для победы капиталистического способа производства, по Марксу, нужны были два условия: «...совершить процесс отделения рабочих от средств их труда на одном полюсе, превратить общественные средства производства и жизненные средства в капитал, на противоположном полюсе превратить народную массу в наемных рабочих»[24]. Похожие процессы М. А. Безнин и Т. М. Димони обнаружили в истории колхозной деревни. Исследование капитализации и раскрестьянивания стали двумя важнейшими направлениями приложения их интеллектуальных усилий.

Капитализацию вологодские историки называют экономической сутью происходивших в колхозной деревне изменений. Такое утверждение стало возможным в силу понимания ими капитала как овеществленного труда. В данную категорию Безнин и Димони включают сельскохозяйственные строения, производственный инвентарь, сельскохозяйственную технику, скот. Этим они пытаются придать этому понятию более универсальный (даже по сравнению с марксовой трактовкой) характер[25]. Разумеется, обнаружить действие капитала в этой его дефиниции можно в истории практически любого общества. Безнин и Димони с успехом находят его и в функционировании советского сельского хозяйства. Весьма показателен в этом отношении проведенный авторами анализ формулировок советской статистики. Как показывают их данные, понятие «основные капиталы колхозов» еще в 1920-е гг. вполне легитимно применялось советскими экономистами и статистиками. Однако затем было заменено на более нейтральные с идеологической точки зрения определения «основные фонды», «основные средства производства»[26]. Исследователи показывают нарастание капитала в сельском хозяйстве СССР. Так, с 1928 по 1970 г. его основные фонды в сопоставимых ценах выросли с 17,7 до 90,3 млрд руб., т. е. более чем в 5 раз[27]. Этот процесс имел неравномерный характер. В 1930–1940-е гг. нарастание капитала происходило медленно, тогда как в 1950–1980-е гг. — «с относительно высокими темпами». Последнее было следствием увеличения прямого финансирования и кредитования колхозов и совхозов государством. Исходя из показателей капитализации, Безнин и Димони пытаются определить хронологический рубеж, отделяющий аграрное общество от капитализированного (индустриального). Важным показателем этой грани, по их мнению, является доля затрат живого труда в себестоимости продукции. В ранних текстах концепции преодоление пятидесятипроцентного показателя в соотношении труда и капитала как факторов производства в советском сельском хозяйстве фиксировалось ими на начало 1960-х гг.[28] Затем эта грань была смещена вологодскими историками на вторую половину 1960-х гг.[29] В недавней же книге, несмотря на повторение некоторых прошлых выкладок, и вовсе звучит скептический вывод по поводу точного определения затрат труда и капитала в советской аграрной экономике. При этом авторы пишут о том, что даже на конец советского периода «завершенность капиталистического тренда вряд ли может быть признана окончательной»[30].

Второй составляющей описываемых вологодскими историками исторических изменений стало раскрестьянивание. Эта тема интересовала М. А. Безнина со второй половины 1980-х гг.[31], поэтому представляется возможным увидеть определенную эволюцию в расстановке акцентов при обращении к этому исследовательскому сюжету. Первоначально историк делал упор на изучении «исчезновения деревни» и распаде социально-экономических структур, присущих крестьянству как социальному типу. В связи с этим Безнин выделял так называемые «внешнее» и «внутреннее» раскрестьянивание. Под первым

понималось уменьшение доли сельского населения по сравнению с городским, о чем красноречиво свидетельствовали материалы переписей населения. Так, если в 1939 г. в сельской местности проживало 67% населения России (РСФСР), то к 1959 г. этот показатель сократился до 48%, а к началу 1990-х гг. соответственно до 26%[32]. Второе предполагало внутреннее перерождение крестьянства, превращение его из класса мелких товаропроизводителей в наемных рабочих при колхозах и совхозах. Еще в своей первой монографии М. А. Безнин писал об изменении функций крестьянского двора, постепенном (так как еще в начале 1950-х гг. приусадебное хозяйство колхозников давало от 70 до 90% всех доходов) росте его роли в бюджете сельской семьи и переориентации последней на общественное производство[33], а позже (уже в соавторстве с Т. М. Димони) характеризовал изменение потребительских стратегий селян[34]. Таким образом, грань, отделяющая крестьянина от рабочего, по мнению Безнина, была преодолена уже в 1960-е гг. Стоит заметить, что все эти идеи вполне укладывались в общественное восприятие исторических реалий. «Исчезновение деревни» было красочно воспето еще на закате советской эпохи деревенской прозой. Однако начиная примерно с середины 2000-х гг. исследование Безниным и Димони социальной жизни села получило новый вектор. Теперь в их работах речь шла не столько о разрушении норм крестьянского уклада, сколько о формировании новых социальных общностей на селе. К настоящему времени таковых вологодские историки обозначили пять. Это протобуржуазия (председатели колхозов и директора совхозов), менеджеры (бригадиры, звеньевые, заведующие фермами), интеллектуалы (агрономы, зоотехники, бухгалтеры и другие специалисты), рабочая аристократия (трактористы, комбайнеры, механизаторы), сельскохозяйственный пролетариат (рядовые колхозники и рабочие совхозов). Вместе с этим новым вектором изучения темы, соответственно, несколько сместился и фокус исследовательского внимания ученых с изучения внешних факторов воздействия на межклассовые отношения этих социальных групп. М. А. Безнин и Т. М. Димони отмечают, что растущая дифференциация деревенского социума была осознана самими жителями села, писателями-деревенщиками и даже советскими социологами. Вот только собранные историками данные свидетельствуют о том, что критерием социального неравенства в колхозной деревне были должностной статус и, особенно на ранних этапах ее существования, происхождение (сельское или городское) ее жителей. Социальный протест селян, судя по книге Безнина и Димони, был направлен главным образом против политики власти[35]. Похоже, что антагонистическое противоречие между трудом и капиталом все-таки было не вполне осознано жителями советской деревни.

Казалось бы, М. А. Безнин и Т. М. Димони почти «под копирку» перенесли основные контуры марксистской схемы первоначального накопления на историю колхозной деревни. Однако на этом пути они столкнулись с определенными эпистемологическими трудностями. Хотя современные марксисты,

например Г. Бернстайн[36], упорно пытаются отыскать структуры, присущие марксовой классовой модели, в современном обществе, на самом деле социальная эволюция европейских стран уже в XIX в. пошла совсем другим путем, нежели тот, который предполагал Маркс. Возросшая вместе с расширением промышленных предприятий необходимость организации производственного процесса и управления рабочей силой привела к обособлению отличной от труда и капитала социальной группы — менеджеров в современном понимании этого явления. Техническое перевооружение предприятий, усложнение технологий и рост специальных знаний в процессе производства привели к выделению так называемого «профессионального класса» — работников умственного труда, занятых в производстве экономических благ. Дифференциация и усложнение трудовых операций вели, соответственно, к появлению новых прослоек в рабочем классе. Наконец, процесс акционирования промышленных предприятий и наделение частью этих активов трудящихся способствовали смягчению марксова противоречия между трудом и капиталом. В силу этих изменений наемные рабочие постепенно перестали поддерживать идею радикального революционного переустройства общества. Все эти тренды социальной эволюции европейского общества свидетельствуют о том, что марксизм уже к началу XX в. потерял свое значение как инструмент объяснения социальной реальности. Марксистские закономерности продолжали действовать только на окраинах Европы. Очевидно, что ряд свойственных первоначальному накоплению структур можно обнаружить и в российской истории XX столетия, чем успешно воспользовались Безнин и Димони.

Но вместе с тем они предложили уже более гибкую по сравнению с классическим марксизмом модель социального анализа. Помимо протобуржуазии и пролетариата исследователи, как уже было сказано, выделили в истории колхозной деревни еще три социальных общности: менеджеров, интеллектуалов и рабочую аристократию. Здесь авторам концепции следует отдать должное, они учитывают произошедшие уже после выхода работ Маркса социальные сдвиги. Но при этом исследователи почему-то непременно пытаются увязать социальную природу выделенных ими групп с марксистской догматикой. Для этого им пришлось применить ряд любопытных интеллектуальных решений. Например, хорошо известно, что руководители советских сельхозпредприятий не являлись ни собственниками, ни акционерами своих колхозов и совхозов. Тем не менее Безнин и Димони отмечают нарастание объема прав по отношению к подведомственным им предприятиям. Историки вполне резонно указывают на широкое распространение со стороны представителей председательского корпуса и директоров совхозов практики использования имеющихся ресурсов в личных целях и рассматривают это явление как элемент формирования буржуазности[37]. Однако следует заметить, что к «колхозному добру» нередко как к своему собственному относились не только руководители предприятий, но и представители

всех остальных страт колхозного социума. Или другой момент связан с осмыслением авторами концепции социальной природы группы «колхозных интеллектуалов». Характеризуя последних, Безнин и Димони апеллируют к термину Дж. Гэлбрайта «интеллектуальный капитал», под которым подразумеваются некие специальные знания, которые становятся фактором производства. Отсюда вытекает и столь неожиданное для данной социальной группы определение[38]. Вместе с тем заметим, что специальные знания — это основа любой профессии, от деревенского пастуха до программиста NASA. Отсылка к марксистскому отношению к собственности тут выглядит совершенно излишней. Такие маленькие уловки дают возможность думать, что авторы концепции анализируют всё же несколько иное явление, нежели классовая структура (в марксистской ее коннотации). В связи с этим, кажется, вполне можно согласиться с одним из выводов рецензии И. А. Кузнецова: «...авторы взяли за основу стратификацию профессиональных групп, но старались выдержать марксистский подход к определению классов как страт»[39].

Сказанное выше может служить подтверждением общих методологических проблем, которые ныне испытывает отечественное обществознание. Сегодня, казалось бы, нет никаких оснований распространять структуры марксистского анализа на всю историю человеческого общества. Несомненно, К. Маркс был одним из умнейших людей своего времени, но его обращение к исследованию истории до XIX в. было ограничено единичными эпизодами. Иными словами, Маркс просто не настолько хорошо знал прошлое, чтобы профессионально судить о нем. На это обстоятельство обращал внимание еще Э. Дюркгейм. Говоря о марксистских законах, претендующих «быть ключом всей истории», он писал, что для доказательства их марксисты «довольствуются тем, что приводят несколько разбросанных повсюду, не связанных между собой фактов, которые не образуют никакого методологически выстроенного ряда и интерпретация которых далеко не определена: ссылаются на первобытный коммунизм, борьбу между патрициатом и плебсом, третьим сословием и дворянством, объясняя это экономическим фактором»[40]. В основе марксизма изначально лежала экстраполяция обнаруженных Марксом социально-экономических тенденций развития Европы в новое время на всё историческое развитие человечества. Понятно, что в советский период жесткие идеологические рамки просто не позволяли историкам сделать шаг влево, шаг вправо от формационной трактовки исторического процесса. Те времена давно уже канули в Лету, однако инерция марксистского восприятия истории продолжает влиять на российское научное сообщество. После дискредитации «единственно верного» учения в 1990-е гг. инструмент, способный контекстуализировать конкретные исторические исследования и при этом, в отличие, скажем, от цивилизационной теории, не требовавший серьезной перестройки аналитических структур, был найден в теории модернизации. При этом почему-то никто не обратил внимания, что даже в сравнении с вульгаризированным советским марксизмом последняя

отличается как меньшим набором исторических состояний (по сути дела ею констатируются всего два таких агрегата: традиционное и современное общества), так и размытостью, отсутствием конкретности при определении граней перехода из одного состояния в другое. Еще одним сомнительным достоинством теории модернизации было то, что она придавала характерной для историографии 1990-х гг. трактовке социальных изменений как программируемого посредством реформ исторического движения элемент объектности. Эти причины привели к тому, что модернизационная теория фактически стала новой догмой отечественного обществознания, а ее сторонники принялись везде и всюду искать следы перехода от традиции к модерну[41]. М. А. Безнин и Т. М. Димони также придерживаются этого подхода. Михаил Алексеевич еще в 1991 г., в своей первой монографии, констатировал завершение тысячелетней истории российского крестьянства[42]. Теперь же авторы концепции утверждают, что в исследуемый ими период совершился переход «от аграрного общества к индустриально-капиталистической модели»[43]. Нет сомнения в том, что историки фиксируют важные сдвиги в жизни российского общества, но на каких основаниях они распространяют свои выводы на всю предшествующую историю России, помещая последнюю во «тьму» традиционного общества, как будто до описанных ими нескольких десятилетий в ее прошлом и вовсе не было каких-либо социальных изменений?

Вместе с тем, с точки зрения развития современной аграрной историографии появление концепции Безнина и Димони следует оценить крайне положительно. Историки не только представили свой оригинальный взгляд на социально-экономическое развитие российской деревни в XX в., но и не побоялись первыми шагнуть в «реформацию» аграрной историографии[44]. Отдельного упоминания заслуживают интенции их программы, направленные на деидеологизацию и унификацию дискурса отечественной аграрной истории. Привлекает также и то, что так называемые «теневые механизмы» советской экономики рассматриваются авторами не как некая девиация, а как неотъемлемая часть происходивших в стране изменений. Но, пожалуй, главное значение концепции Безнина и Димони состоит в том, что они представили подлинно социальную историю советской деревни. Социальные процессы в их анализе превратились в действительные детерминанты исторического развития. Если рассматривать эволюцию постсоветской аграрной историографии, то можно заметить, что на изучение сюжетов собственно социальной истории отечественные аграрники вышли еще в начале 2000-х гг. Однако за редкими исключениями до сих пор в соответствии со сложившимся в 1990-е гг. каноном их анализ осуществляется почему-то посредством изучения государственной политики. Критикуя этот подход, М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили в полной мере объектную модель анализа, в которой изучение политических кампаний и реформ отходит на второй план, ибо последние и сами являются отражением глубинных экономических и социальных трансформаций российского общества. Переводя

сказанное на язык плотницкого ремесла, можно заметить, что российские историки-аграрники так привыкли орудовать молотком, что и сами не заметили, что теперь забивают уже не гвозди, а шурупы. И вот М. А. Безнин отыскал на чердаке своего деревенского дома отвертку — старый добротный немецкий инструмент. Шурупы закручивать ей, конечно, сподручнее, вот только и тут может случиться проблема. Резьба на их головках бывает различной и не факт, что найденная отвертка будет одинаково полезна везде и всюду.

---

1 Среди многочисленных работ М. А. Безнина и Т. М. Димони на эту тему отметим две наиболее принципиальные, ставшие вехами развития концепции. Это 44 тезиса, впервые представленные авторами в 2003 г. и ставшие своего рода теоретическим субстратом их дальнейшей работы (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003) и недавняя монография, подводящая промежуточный итог работы исследователей за десятилетие (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014).

2 *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 180.

3 *Ильиных В. А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–629.

4 *Кузнецов И. А.* Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // Крестьяноведение. 2017. № 1. С. 171–179.

5 Там же. С. 179.

6 *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М., 1991.

7 *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. Б. м., 1991.

8 *Воейков М.* Дискуссионные вопросы природы СССР // Альтернативы = Alternatives. 1996. № 2. С. 192–199; *Славин Б.* Почему советское общество не было буржуазным (к дискуссии с Михаилом Воейковым) // Альтернативы = Alternatives. 2002. № 4. С. 2–31.

9 *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. С. 202–203.

10 С учетом наших знаний истории 1990-х гг. слова Троцкого о механизмах возможной реставрации капитализма сегодня выглядят действительно пророческими: «Главной задачей новой власти было бы восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего, потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, сельскохозяйственные акционерные компании. В области промышленности денационализация началась бы с предприятий легкой и пищевой промышленности. Плановое начало превратило бы переходный период в серию компромиссов между государственной властью и отдельными “корпорациями”» (*Троцкий Л. Д.* Преданная революция. С. 210).

11 *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 275.

12 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 1: Февральская революция. М., 1997. С. 29; Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М., 1997. С. 153.

13 Михаил Алексеевич Безнин — ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения) // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда, 2004. С. 4–5.

[14] Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1829. Л. 23–26 (Протокол заседания сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства. 25 марта 1986 г.).

[15] *Безнин М. А., Димони Т. М.* 1) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 8; 2) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 164.

[16] *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 356. См. на эту тему также: *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974. С. 58–79.

[17] *Данилов В. П.* 1) Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 267; 2) Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 177.

[18] Стенограмма заседания Ученого совета Отдела истории советского общества. 29 июля 1965 г. // Данилов В. П. История крестьянства в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 303. Показательно, что уже здесь Данилов апеллировал к внеисторической реальности, неким своим представлениям о том, как должны были протекать процессы. В гораздо более гипертрофированной форме этот подход получил развитие у ученого при разработке им теории исторических альтернатив.

[19] *Данилов В. П.* Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Данилов В. П. История крестьянства в XX веке. Ч. 2. М., 2011. С. 750.

[20] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 4.

[21] *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 856.

[22] *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. С. 6.

[23] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 172.

[24] *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М., 1949. Т. 1. С. 718–767.

[25] Этот вопрос вызвал микродискуссию во время обсуждения доклада Безнина и Димони на Ученом совете Института российской истории РАН. Тогда В. П. Данилов оппонировал докладчикам, указав на то, что под капиталом (в его марксистских дефинициях) понимается «самовоспроизводящая стоимость» и это не живой и мертвый инвентарь, а общественные отношения. В свою очередь Данилову возражал А. А. Иголкин, ссылаясь на то, что марксистское определение капитала практически не используется в современной экономике (*Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 179–181). Казалось бы, этот вопрос может иметь значение исключительно для ценителей чистоты учения, однако он высвечивает едва уловимый элемент двойственности в концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони. Дело в том, что они в своих работах апеллируют к двум совершенно различным концептам марксизма: 1) марксовой теории первоначального накопления; 2) ленинским представлениям о государственном капитализме. О первой было сказано выше. Подчеркнем тем не менее, что сам К. Маркс отличал капиталистическое накопление от первоначального, при котором «способ производства еще не обладал специфическим капиталистическим характером» (*Маркс К.* Капитал. С. 742). В. И. Ленин прибег к понятию «государственный капитализм» в 1920-е гг., чтобы объяснить контроль большевистской партии над большей частью промышленности, транспортом и рядом других экономических институтов. С точки зрения правоверных марксистов государство, равным образом как и денежные отношения, после победы пролетарской революции должны были отмереть сами по себе. Ленину нужно было как-то растолковать непонятливой публике существование этих реалий в стране Советов. Тем не менее капитализм рассматривался им в этом контексте как уже сложившееся явление, ибо сами капиталистические отношения, по его мнению, возникли и утвердились еще до революции 1917 г. Сталин

в этом вопросе поступил проще, объявив, что засилье государства в экономике и есть социализм. Читателям научных трудов Безнина и Димони, по-видимому, не всегда ясно, о чем у них идет речь: о формировании институтов буржуазного общества или о специфической форме уже сложившихся отношений. Отсюда и возникают упреки в том, что капитализм в СССР был не настоящим.

[26] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 26–30.

[27] Там же. С. 41.

[28] *Безнин М. А., Димони Т. М.* 1) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 9; 2) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 165.

[29] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005. С. 96.

[30] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 126.

[31] См., напр.: *Безнин М. А.* Раскрестьянивание в России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992.

[32] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003. С. 20.

[33] *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

[34] *Безнин М. А., Димони Т. М.* К вопросу о социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 111–120.

[35] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 559–605.

[36] *Бернстайн Г.* Социальная динамика аграрных изменений. М., 2016.

[37] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 233–241.

[38] Там же. С. 198–199. В более ранних вариантах этой стратификационной сетки Безнин и Димони всё же использовали более традиционное для этой социальной группы наименование — специалисты. См.: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальная трансформация российской деревни в 1930–1980-е гг.: новые подходы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 34.

[39] *Кузнецов И. А.* Приключения государственного капитализма... С. 173.

[40] *Дюркгейм Э.* Материалистическое понимание истории // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006. С. 205.

[41] Отметим здесь несколько наиболее значимых работ: *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015 и др.

[42] *Безнин М. А.* Крестьянский двор... С. 224. Сомнение вызывает не верхняя, а нижняя грань существования крестьянства в России. Хорошо известно, что сам термин «крестьяне» появился в XIV в. и первоначально являлся типом религиозной, а не социальной идентичности. Тот социальный слой, который дожил до коллективизации и стал «рабочим материалом» рассмотренных М. А. Безниным социальных трансформаций, сложился только в XVII в. в результате объединения разнородных групп сельского населения.

[43] *Безнин М. А., Димони Т. М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. С. 5.

[44] Этой метафорой мы обязаны специалисту по истории средних веков и раннего нового времени, профессору Ю. К. Некрасову. 22 октября 2003 г. на истфаке Вологодского государственного педагогического университета М. А. Безнин и Т. М. Димони впервые представили основные идеи своей программы переосмысления аграрной истории России XX столетия. Именно тогда Юрий Клавдиевич, предрекая, что авторов «будут бить», в шутку заметил «Лютер написал 95 тезисов, Цвингли 67, а наши коллеги 44». М. А. Безнин на это отреагировал репликой: «Регресс очевиден».

References

BERNSTAIN G. Sotsial'naya dinamika agrarnykh izmenenii [Social dynamics of agrarian changes. In Russ.]. Moscow, 2016.

BEZNIN M. A. Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e v 1950–1965 gg. [Country court yard in Russian Nechenozeme in 1950–1965 s. In Russ.]. Moscow; Vologda, 1991.

BEZNIN M. A. Raskrest'yanivanie v Rossii [Disruralisation in Russia. In Russ] // Krest'yanskoe khozyaistvo: istoriya i sovremennost'. Ch. 1. Vologda, 1992. S. 103–110.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-e gody [Agrarian system of Russia in 1930–1980s years. In Russ.]// Trudy Instituta rossiiskoi istorii. Vyp. 6. Moscow, 2006. S. 161–187.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii v 1930–1980-e gody. Tezisy nauchnogo doklada [Agrarian system of Russia in 1930–1980s years. Theses of the scientific report. In Russ.]. Vologda, 2003.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov [Agrarian system of Russia 1930–1880s years. In Russ.]. Moscow, 2014.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. Kapitalizatsiya v rossiiskoi derevne 1930–1980-kh godov [Capitalization in the Russian village 1930–1980s years. In Russ.]. Vologda, 2005.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. K voprosu o sotsial'noi differentsiatsii krest'yanstva vo vtoroi polovine XX veka [To a question on social differentiation of peasantry in second half of 20th century. In Russ.] // Severnaya derevnya v XX veke: aktual'nye problemy istorii. Vologda, 2000. S. 111–120.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M. Sotsial'naya transformatsiya rossiiskoi derevni v 1930–1980-e gg.: novye podkhody [Social transformation of the Russian village in 1930–1980s: new approaches. In Russ.] // Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XX — nachale XX veka. Kolomna, 2007. S. 308–319.

BEZNIN M. A., DIMONI T. M., IZYUMOVA L. V. Povinnosti rossiiskogo krest'yanstva v 1930–1960-kh godakh [Duties of the Russian peasantry in 1930–1960s years. In Russ]. Vologda, 2001.

DANILOV V. P. Vozniknovenie i padenie sovetskogo obshchestva: sotsial'nye istoki, sotsial'nye posledstviya [Occurrence and falling of the Soviet society: social sources, social consequences. In Russ.] // Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Izbrannye trudy. Ch. 2. Moscow, 2011. S. 742–759.

DANILOV V. P. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v SSSR [Collectivisation of agriculture in the USSR. In Russ.] // Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy. Ch. 1. Moscow, 2011. S. 801–861.

DANILOV V. P. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaistvo [Soviet village before collective farms: the population, land tenure, an economy. In Russ.]. Moscow, 1977.

DANILOV V. P. Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura i sotsial'nye otnosheniya [Soviet village before collective farms: social structure and social relations. In Russ.]. Moscow, 1979.

DANILOV V. P. Sotsial'no-ekonomicheskie uklady v sovetskoi dokolkhoznoi derevne: ikh sootnoshenie i vzaimodeistvie [Social and economic structures in Soviet village before collective farms: their parity and interaction. In Russ.] // Novaya ekonomicheskaya politika: voprosy teorii i istorii. Moscow, 1974. S. 58–79.

DOICHER I. Trotskii v izgnanii [Trotsky in exile. In Russ.]. Moscow, 1991.

DYURKGEIM E. Materialisticheskoe ponimanie istorii [Materialistic understanding of history. In Russ.] // Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Moscow, 2006. S. 199–207.

IL'INYKH V. A. Agrarnyi stroi Sibiri v XX veke: etapy transformatsii [Agrarian system of Siberia in the 20th century: transformation stages. In Russ.] // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2012: Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoi Evropy X–XXI vv. Moscow; Bryansk, 2012. S. 620–629.

KLIFF T. Gosudarstvennyi kapitalizm v Rossii [The state capitalism in Russia. In Russ.]. B. m., 1991.

KRASIL'SHCHIKOV V. A. Vdogonku za proshedshim vekom. Razvitie Rossii v XX veke s tochki zreniya mirovykh modernizatsii [After the last century. Development of Russia in the 20th century from the point of view of world modernizations, In Russ.]. M., 1998.

KUZNETSOV I. A. Priklyucheniya gosudarstvennogo kapitalizma v sel'skom khozyaistve SSSR (po povodu odnoi istoricheskoi kontseptsii) [Adventures of the state capitalism in agriculture of the USSR (concerning one historical concept). In Russ.] // Krest'yanovedenie. 2017. N 1. S. 171–179.

MARKS K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii [The capital. Criticism of political economy. In Russ.]. Moscow, 1949. T. 1.

Mikhail Alekseevich Beznin — uchenyi, istorik-agrarnik (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya) [Michael Alekseevich Beznin — the scientist, the historian-agrarian (to the 50th anniversary from the date of a birth). In Russ.] // Sbornik nauchnykh rabot k 50-letiyu Mikhaila Alekseevicha Beznina. Problemy ekonomicheskoi i sotsial'noi istorii: obshcherossiiskii i regional'nyi aspekty (XIX–XX vv.). Vologda, 2004. S. 4–13.

MIRONOV B. N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian empire: from tradition to a modern. In Russ.]. V 3 t. St Petersburg, 2015.

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX vv. [Experience of the Russian modernisations — 18th–20th centuries. In Russ.]. Moscow, 2000.

SLAVIN B. Pochemu sovetskoe obshchestvo ne bylo burzhuaznym (k diskussii s Mikhailom Voeikovym) [Why the Soviet society was not bourgeois (to the discussion with Michael Voejkovym). In Russ.] // Al'ternativy = Alternatives. 2002. N 4. S. 2–31.

TROTSKII L. D. Istoriya russkoi revolyutsii. T. 1: Fevral'skaya revolyutsiya [History of Russian revolution. T. 1: February revolution. In Russ.]. Moscow, 1997.

TROTSKII L. D. Istoriya russkoi revolyutsii. T. 2: Oktyabr'skaya revolyutsiya [History of Russian revolution. T. 2: October revolution. In Russ.]. Ch. 2. Moscow, 1997.

TROTSKII L. D. Predannaya revolyutsiya [Betrayed revolution. In Russ.]. Moscow, 1991.

VOEIKOV M. Diskussionnye voprosy prirody SSSR [Debatable questions of the nature of the USSR. In Russ.] // Al'ternativy = Alternatives. 1996. N 2. S. 192–199.

Список литературы

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

Безнин М. А. Раскрестьянивание в России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 103–110.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 161–187.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы. Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014.

Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.

Безнин М. А., Димони Т. М. К вопросу о социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 111–120.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальная трансформация российской деревни в 1930–1980-е гг.: новые подходы // Государственная власть и крестьянство в XX — начале XXI века. Коломна, 2007. С. 308–319.

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.

Бернстайн Г. Социальная динамика аграрных изменений. М., 2016.

Воейков М. Дискуссионные вопросы природы СССР // Альтернативы = Alternatives. 1996. № 2. С. 192–199.

Данилов В. П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // Данилов В. П. История крестьянства. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 742–759.

Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М., 2011. С. 801–861.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

Данилов В. П. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974. С. 58–79.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

Дюркгейм Э. Материалистическое понимание истории // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2006. С. 199–207.

Ильиных В. А. Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–629.

Клифф Т. Государственный капитализм в России. Б. м., 1991.

Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

Кузнецов И. А. Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) // Крестьяноведение. 2017. № 1. С. 171–179.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1949. Т. 1.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015.

Михаил Алексеевич Безнин — ученый, историк-аграрник (к 50-летию со дня рождения) // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX–XX вв.). Вологда, 2004. С. 4–13.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным (к дискуссии с Михаилом Воейковым) // Альтернативы = Alternatives. 2002. № 4. С. 2–31.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1: Февральская революция. М., 1997.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. М., 1997.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991.

Н. Г. Кедров. М. А. Безнин в галерее историков-марксистов

Статья посвящена анализу научных работ М. А. Безнина, которые в настоящее время вызвали широкий резонанс среди российских историков-аграрников. В частности предметом дискуссий стала идея ученого о капитализации как одной из центральных тенденций развития экономики колхозной деревни. Автор рассматривает взгляды М. А. Безнина в сравнительно-историческом контексте. В частности, предложенная историком концепция аграрного строя России сопоставляется с идеями Л. Д. Троцкого, В. П. Данилова и К. Маркса. В статье характеризуются идейные истоки и основные положения концепции Безнина. Автор приходит к выводу, что работы М. А. Безнина стали значительным шагом вперед в изучении социальной эволюции советской деревни. Вместе с тем заложенные в них марксистские подходы имеют серьезные издержки в качестве инструмента познания прошлого.

Ключевые слова: аграрная историография, советская деревня, М. А. Безнин, марксизм.

N. G. Kedrov. M. A. Beznin in gallery of historians-Marxists

Article is devoted to the analysis of M. A. Beznin's scientific works which have evoked a wide response now among the Russian agrarian historians. In particular, the idea of the scientist about capitalization as one of the central tendencies of development of economy of collective-farm village became a subject of discussions. The author considers Beznin's views in a comparative-historical context. In particular the Beznin's conception of an agrarian system of Russia is compared with the ideas of L. D. Trotsky, V. P. Danilov and K. Marx. In article ideological sources and substantive provisions of the conception of Beznin are characterized. The author comes to a conclusion that M. A. Beznina's works became a considerable step forward in studying of social evolution of the Soviet village. At the same time, the Marxist approaches put in them have serious costs as the tool of knowledge of the past.

Key words: agrarian historiography, Soviet village, M. A. Beznin, Marxism.

Кедров, Николай Геннадьевич — к. и. н., независимый исследователь.
Kedrov, Nickolay Gennadievich — PhD (History), independent researcher.
E-mail: nk149@yandex.ru